

— У кого здесь можно узнать о новом способе посадки картофеля?

— Обратитесь вон к той сотруднице: она недавно из деревни приехала.

Ж Р О Ж О Д И Л

漫画

【「КАРИКАТУРА」】
САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

Рисунок Ми Гу.

Политика силы.

НЕНАСЫТНЫЕ АВАНТЮРИСТЫ

Рисунок Ван Дэ-вэя.

ФРАНЦУЗ: — Дядя Сам, на помощь!
ДЯДЯ САМ: — Я как раз и собираюсь тебе помочь!

Рисунок Цзян Ю-шеня.

— Мы не позволим этим чудовищам заглушить
радостную песню шахт и заводов!

ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ

Начальнику Орловского областного управления сельского хозяйства
Степану Игнатьевичу КУРЕНКОВУ

Многоуважаемый Степан Игнатьевич!

Лишь сегодня узнали об аварии ротатора. Какая неприятность! Подумать только: важнейший канцелярский агрегат, безотказно размножавший ваши циркуляры, приказы, директивы, анкеты, запросы и указания, выбыл из строя! И когда? В преддверии весны!

Нам сообщили, что агрегат сломался, как говорится, в борозде — от перегрузки. Не выдержало железо бумажного напора. Ещё бы! Мудрено выдержать! Ведь только за последние четыре месяца ротаторная переработала тридцать пять центнеров бумаги! Шутка ли? Три с половиной тонны! Громадная производительность даже для двухсот человек из аппарата, которые пишут по восемь часов в сутки. Вот этот напряжённый канцелярский труд и дал возможность управлению послать в районы за те же четыре месяца пятьдесят тысяч распоряжений, приказов и указаний. Пятьдесят тысяч! Знаменитый гоголевский Кошкарёв, влюблённый в бумагу и всё видевший «сквозь форму бумажного производства», помер бы от зависти, узнав о такой феерической цифре.

Многие интересуются, как Орловское управление добилось таких выдающихся результатов. А вы, Степан Игнатьевич, отказываетесь популяризировать свой опыт. Скромничаєте. Дескать, никаких достижений в производстве директив у вас нет. Полноте, Степан Игнатьевич! Нам доподлинно известно, что управление проделало большую работу по ликвидации живой связи, скажем, с МТС.

Вот, к примеру, инженеры товарищи Федотов и Соловьёв, что недавно прибыли в Подзаваловскую МТС, обратились в управление за помощью, за советом. В ответ им предложили почитать старые директивы. Через некоторое время беспокойные руководители этой же МТС хотели выяснять по телефону, как лучше организовать производственную учёбу. В управлении переполошились: телефонный разговор мог бы сделать ненужной очередную бумагу и, упаси бог, приостановить на мгновение бумажный конвейер. Работникам МТС было предложено ждать приказа № 382. В канун Нового года прибыл приказ, и в нём рекомендовалось «наладить», «организовать», «разработать мероприятия», — словом, «обеспечить учёбу», о чём доложить ровно через день, то есть 1 января!

Двенадцатого января директор МТС получил новый приказ — об организации агрозоотехнической учёбы, в котором предлагалось 10 января прислать отчёт о проделанной работе.

Моховская, Малахово-Слободская и Городищенская МТС жалуются на нехватку специалистов и механизаторов. В ответ вы шлёте инструкцию о необходимости срочно укомплектовать МТС кадрами.

В Топковской и Дросковской МТС половина механизаторов ещё не зачислена в штат, а школа механизаторов не укомплектована. Зачем разбираться в этом на месте, когда можно применить канцелярское агрегатирование — послать приказ вкуче с распоряжением, сводкой и телеграммой?!

Вот такими методами вам удалось добиться пятидесяти тысяч исходящих. До нас дошли слухи, что в первом квартале нового года вы намеревались удвоить эту цифру. Но тут случилось нечто непоправимое — сломался ротатор! Хорошо ещё, что остался второй. Он теперь работает в две смены! Большая перегрузка, Степан Игнатьевич! Говорят, трущиеся части машины дымятся. Того и гляди, случится несчастье. Что тогда, Степан Игнатьевич? Разве можно надеяться, что двадцать две машинистки из аппарата сумеют размножить несколько десятков тысяч директив? Да никогда! Тут, сами понимаете, нужна механизация.

Поэтому просим вас: берегите ротатор, как зеницу ока. Давайте ему временами отдыхать. Ведь и металл испытывает усталость. Почаще смазывайте, и всё такое прочее. Хорошо бы взять из МТС несколько механиков, чтобы они дежурили у агрегата и, как говорится, не спустили с него глаз.

Привет и наилучшие пожелания!

КРОКОДИЛ

Летят телеграммы...

Если бы, скажем, был объявлен конкурс на самую большую телеграмму, то одно из почётных мест, а может, даже и личное первенство занял бы тов. Гундобин, заместитель министра путей сообщения СССР.

Узнает он, например, о том, что кое-где нарушаются правила технической эксплуатации, и тут же напишет приказ, в который обязательно включит пространные выдержки из инструкций или учебников, а затем распорядится своё «произведение» срочно разослать телеграфом. И полетят по всем дорогам и дистанциям пути... 523 слова.

Доложат тов. Гундобину о том, что на некоторых дорогах питьевые колодцы не в порядке, он посидит-посидит, да и напишет

«телеграфное приказание» из... 770 слов.

Даже взыскания — строгий выговор и выговор с предупреждением — и те тов. Гундобин налагает по... телеграфу. В прямом смысле слова мечет «молнии».

Цена каждого из этих выговоров определяется по количеству слов, в нём заключающихся.

А 11 декабря прошлого года, полагая, что таким образом он сразу устранил на железнодорожном транспорте все «серьёзные недостатки в организации работ по уборке и очистке снега», тов. Гундобин составил телеграмму ровно в 900 слов!

Итак, рекорд побит. Остаётся только послать победителю поздравительную телеграмму.

«Москвичи» в Киеве.

«Киевляне» в Москве.

Николай АСАНОВ

Елочка

Знакомство моё с Елочкой произошло при довольно странных обстоятельствах. Однажды ко мне ворвалось существо лет восемнадцати от роду с розовым лицом и ярко накрашенными губами, в беличьей шубке, котиковой шапочке, в моднейших меховых башмачках на высоком каблучке и заплакало так горько и надрывно, что жена и дети, завтракавшие за столом в углу комнаты, окаменели в ожидании чего-то ужасного. Но посетительница, разглядев их, высморкалась, сунула платок обратно в муфту, протянула мне руку с красными ноготками и сказала голосом, в котором силы было куда больше, чем следовало ожидать после такого обильного слезотечения:

— Е. Лунная!

— Е.? — неловко переспросил я. — Садитесь, пожалуйста... Как же вас всё-таки зовут?

— Елена Лунная. Елочка. Елочка Снигирёва.

Она сделала новую попытку зарыдать, но, вероятно, недостаточный опыт и присутствие лишних зрителей мешали ей.

— Вы меня убили! Зарезали! — вскричала она.

— Каким образом? — спросил я.

— Вот! — Тут она снова обратилась к своей муфточке и вытащила из её недр свиток рукописей. Я увидел обрывки стихотворных произведений, исчерканные синим и красным карандашами с размашистыми пометками: «Не пойдёт!», «Вернуть автору!», «Слабо!». Большая часть этих красноречивых изречений была подписана буквой «А» с хвостиком.

Жена, поняв, что это посещение не грозит моей репутации примерного семьянина, увела детей в переднюю, чтобы отправить их на прогулку. Елочка, почувствовав себя свободнее, распахнула шубку и закинула ножку на ножку под чересчур коротким нарядным платьицем. Я удивлённо взглянул на гостью. Слишком уж молода была эта девушка для такой рискованной позы.

— Вы, что же, посещаете только тех писателей, фамилии которых начинаются на букву «А»? — спросил я.

— Нет! — несколько испуганно сказала она. — У меня есть рецензии и с другими буквами! — И, порывшись в сумочке, вытащила свитки с буквой «Д», с буквой «М» и такие, где невозможно было ничего разобрать.

— Поправьте платье! — строго сказал я. — Где вы достали адреса писателей?

Она испуганно поджала ноги, но ответила с некоторой заносчивостью:

— Это мама достала! Моя мама работает секретарём министра.

— Можете снять шубку, поговорим, — предложил я в надежде, что она объяснит свой странный вояж по писательским адресам.

Елочка швырнула шубку на тахту, шапочку — на письменный стол и, устроившись более уютно в единственном кресле, критически осмотрела мою небольшую комнату.

— Разве все писатели такие... — неопределённо протянула она.

— Какие?

— Ну... — Она смешалась было, но присутствующая ей решительность победила, — такие старые и бедные...

— Это зависит от степени таланта, — сдержанно объяснил я.

— А правда, что (тут она назвала известного драматурга)... очень богат?

— Мне не приходилось оценивать людей с этой точки зрения.

— Когда собираешься устроить свою судьбу, надо заранее узнать всё, — назидательно

ки — грубияны, к композиторам у меня нет ключа...

— Чего?

— Ну, я не умею играть на пианино. Ни на чём не умею. Мама теперь сожалеет, но уже поздно.

— Так! — мрачнее, сказал я. — А это вы считаете хорошим ключом? — Я кивнул на груды исполосованных рукописей. — Это уж скорее воровская отмычка!

Как видно, нечто подобное приходило в голову и ей самой, потому что она вдруг обиделась:

— Стихи писать никому не запрещено!

— Но для этого нужны умение, знание жизни, талант... У вас же ничего этого нет...

— Ах, так! — Она вскочила и взялась за шубку. — Если все писатели такие, так я лучше поищу своё счастье в другом месте! — И она принялась одеваться.

Но я уже не мог отпустить её, не выяснив до конца этот феномен.

— Скажите, Елочка, где вы учитесь? — спросил я.

Повидимому, редко кто из старших разговаривал с ней в дружеском тоне, потому что она, уже в шубке, присела на край кресла.

— Пока нигде. Не прошла по конкурсу. Но мама говорит, что будущей осенью она обязательно меня устроит в водопроводный институт. У неё там в деканате знакомый работает.

— Водопроводный? Может быть, институт инженерных сооружений?

— Не знаю. Я знаю только, что оттуда водопроводчики выходят. Не те, которые раковины чинят, а те, которые проектируют.

— А где вы сами хотели бы учиться?

— Нигде, — со спокойной откровенностью сказала она. — Это мама говорит, что надо учиться, чтобы иметь общественное положение и встречаться с молодыми людьми... Ну, вы понимаете?..

Я понял. Но остался ещё один невыясненный вопрос. Я спросил:

— А мама не говорила вам, что надо работать?

— Я пробовала. Скучно! — безапелляционно заявила она.

— Что же вы делаете?

— Была секретарём, потом в аптеке ученицей, потом в парфюмерном магазине...

— И что же?

— Мама сказала, что уж лучше выйти замуж...

— За кого?

— А мне всё равно, — капризно сказала она, надув крашенные губки. — Вопрос в том, сколько он зарабатывает...

— Но ведь мастерство, а вместе с ним известность и большой заработок приходят с возрастом, а к этому времени мужчины, как правило, женаты, — напомнил я.

— Я могу подождать, пока он разведётся, — пожалала она плечиком, — только пусть даст мне расписку, что возьмёт меня замуж...

тельно сказала она, явно повторяя чужие слова.

— Почему же вас интересуют именно писатели? Может быть, вам поискать жениха в другой области?

— Я пробовала, — отрезала она. — Художники — грубияны, к композиторам у меня

— Это что же, фиктивный брак?

— Фиктивный? — удивилась она. — Ах, это «Софья Ковалевская», братья Тур! Ну, я не так глупа. Зачем же губить молодость?..

— Оставьте мне ваш адрес, — попросил я.

— Это ещё зачем? — с внезапным подерзанием спросила она. — Имейте в виду, я совершеннолетняя и мама поддерживает меня!

— А отец?

— У меня нет отца! — резко сказала она, и я понял, что коснулся запрещённой темы. Елочка, как будто сразу утратив интерес к беседе, собрала свои рукописи, сунула их в муфту, сказала: «До свидания» — и исчезла раньше, чем я нашёл предлог удержать её.

* * *

Я сделал заказ в адресный стол и выяснил, что Снигирёвых в Москве много. Пришлось бы бросить работу на полмесяца, если бы я задумал объехать всех в поисках ёлочкиной мамы.

Но всё-таки я начал этот объезд.

Вскоре я познакомился с ёлочкиной сверстницей, которая уже второй год после окончания десятилетки сидела дома, поджидая удачного жениха. Правда, Милочка Снигирёва не ездила по чужим квартирам в поисках счастья. Зато она стала заядлой посетительницей Дома литераторов, Дома актёра, Дома архитекторов. От неё я и узнал адрес Елочки, так как их жизненные пути часто перекрещивались.

Елочкину маму я застал дома.

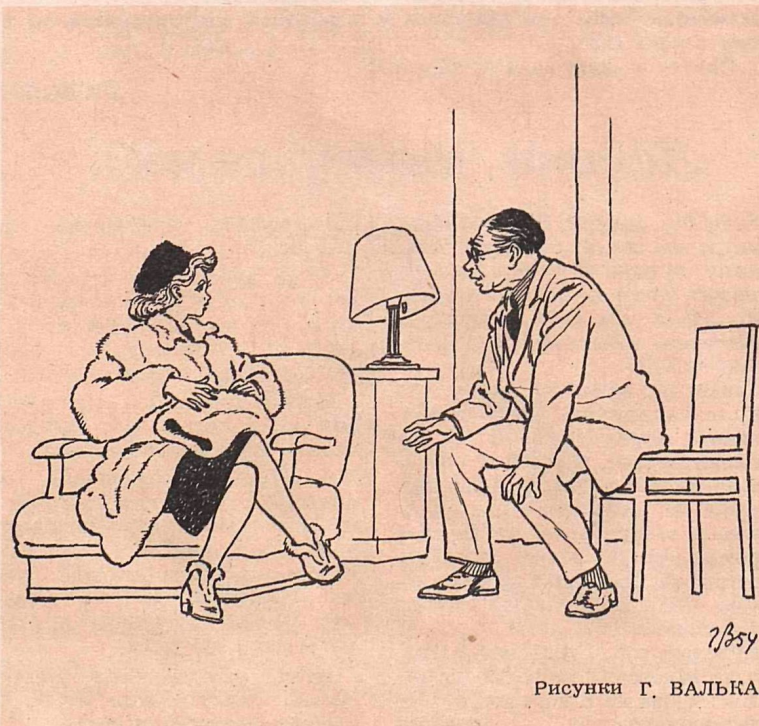
— Ах, вы к Елочке! — радушно сказала она, стараясь не смотреть на мои седые виски, и я понял: тут всё ещё живут мечтой выдать дочку замуж хоть за кого-нибудь.

Квартирка была маленькая, в две комнаты, но устроена так, что никому и в голову не пришло бы, что здесь кто-нибудь занимается чем-либо, кроме развлечений. Ни письменного стола, ни полки с книгами, только две тахты, низенький чайный столик, пуфики, подушечки. Было непонятно, как Елочка готовила уроки и на чём. Разве что лёжа или сгорбившись за чайным столиком.

Мама Елочки заметила мой удивлённый взгляд, мило улыбнулась и спросила:

— Не правда ли, стильно? Всё привезено из Риги...

Маме было далеко за сорок, но она старалась казаться моложе Елочки. Для этого было пущено в ход всё: косметика, экстравагантный покрой платья, глубокий вырез на груди и томные вздохи. Заметив, что её грациозные движения не пленяют меня, она скоро уgomонилась и пригласила меня сесть.

Рисунки Г. ВАЛЬКА.

— Елочка скоро придёт. Если она назначила встречу, то будет обязательно, она очень точна. Давно вы с нею знакомы? Не правда ли, очаровательная девочка?

Я молчал, размышляя, не должно ли государство лишать таких матерей права на воспитание детей. Так и не решив этого вопроса, я вздохнул и спросил:

— Скажите, Лена ваша где-нибудь работает?

Мать вдруг выпрямилась, словно на неё надели панцырь.

— Зачем ей работать? Я, слава богу, в состоянии прокормить родную дочь. А когда она выйдет замуж...

— А если она так и не выйдет замуж? Почему вы не отдадите её в ремесленное училище, если ей не под силу науки?

— Да кто вы такой? — Она вскочила с места. — Вы из милиции?

— Нет, я писатель...

— Говорила я ей, чтобы не связывалась с писателями! Напишут ещё такое, что потом и не расклебаешь! Но я вас не боюсь! Можете писать, что хотите! Я воспитываю свою дочь, и я отвечаю за её счастье!

— В том-то и беда, что вы её плохо воспитали! — вздохнул я.

— А это не ваше дело! И прошу вас покинуть мой дом!

Вся её грациозность слетела, как шелуха. Передо мной была некрасивая, чрезмерно накрашенная женщина, которая безумно боялась, что я могу остаться и ещё каким-нибудь упреком уничтожить весь этот обжитой мирок и обратить его в мрак. Она готова была гнать меня кулаком, кочергой и в то же время боялась, как бы чего не вышло.

Я пожал плечами и ушёл. Убеждение тут не действовало.

Недавно в редакции одной газеты я получил командировку. У стола кассира я увидел Елочку. Она немного похудела, сильно подурнела. Люстриновые наручники на ярком попрежнему платье показывали, что она кем-то тут работает. Елочка внимательно просматривала ведомость на заработную плату, из чего я заключил, что она, вероятно, и составляла её. Кассирша неодобрительно следила за ней. Я поздоровался.

Елочка вспыхнула, коротко кивнула и отвернулась. Хорошо было хоть то, что она не утратила ещё способности смущаться. Я спросил:

— Вы уже замужем?

Смущение её уже прошло, она ответила деловито, без возмущения:

— Ещё не вышла...

— И не выйдет! — вдруг вмешалась кассирша, маленькая, сухонькая женщина. — Вы, повидимому, знакомы с нашей Елочкой?.. — обратилась она ко мне. — Объяснили бы ей, что жениха надо выбирать по любви, а не по кассовой ведомости...

— Как это «по кассовой ведомости»? — спросил я.

— А так. Вы думаете, чем она тут занимается? Ищет по ведомости, у кого больше заработок. А того нет, чтобы подумать о настоящей любви. Может быть, в любви и было бы спасение для такой беспутной девчонки! Будь я твоей матерью...

И я вдруг понял, что неприязнь этой старой, много пережившей женщины направлена совсем не против самой Елочки, а против её воспитания и характера.

— Ах, чёрт с вами со всеми! — грубо, с видом обиженного на весь мир человека ответила Елочка. — Возьму и перейду в угольный трест, там ставки куда больше...

— Тебе, товарищ секретарь, больше пятисот нигде не дадут! — сердясь, сказала кассирша.

— А я не о себе говорю! — выкрикнула Елочка, но, видимо, вспомнив о моём присутствии, побаврела то ли от гнева, то ли от неловкости и выбежала, стуча каблучками. Туфли на ней были тоже попрежнему сверхмодные, с каблуконькой меньше девяти сантиметров.

Больше я её ни разу не встречал.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

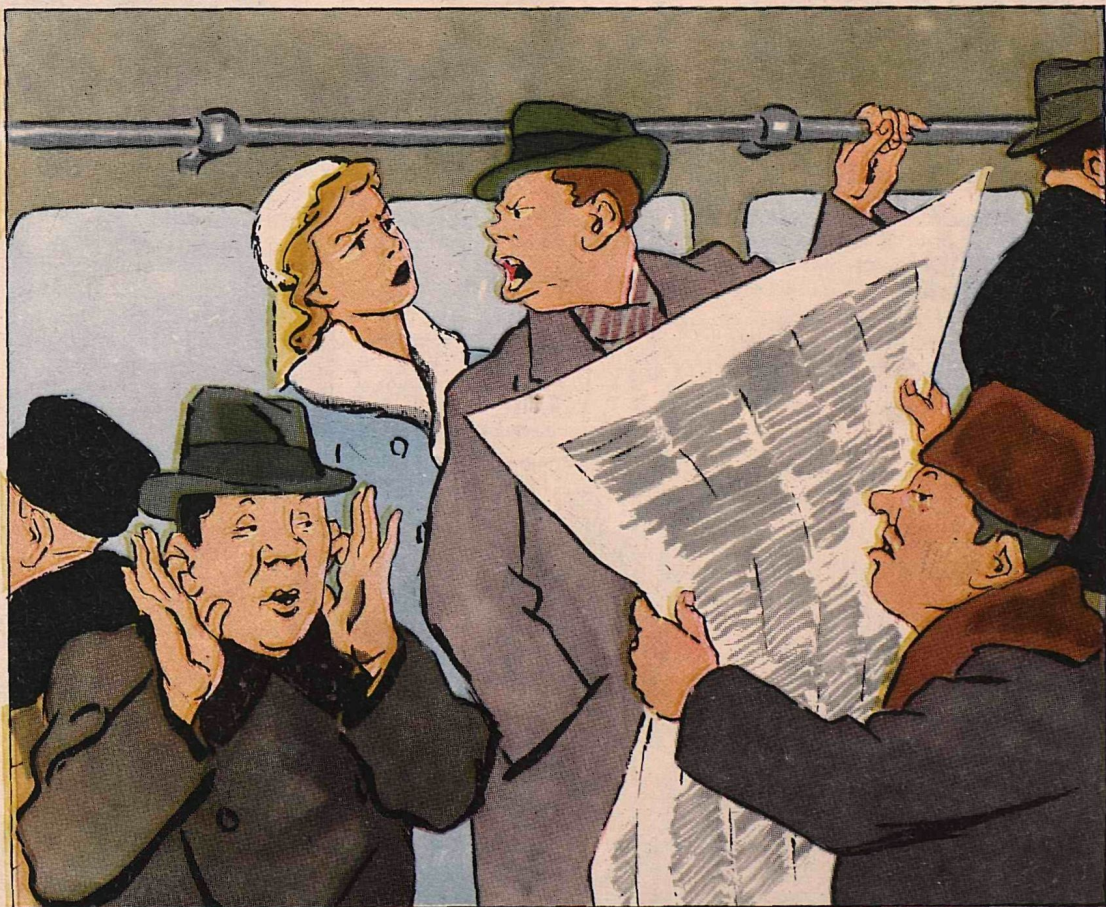
Учебники для вузов, как правило, слишком велики по объёму и перегружены устаревшим материалом.

Век живи — век учи.

СТОРОННИКИ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Слышать не могу, когда оскорбляют женщину!
— А я видеть этого не могу!..

ВИЛЫ В БОК

НЕ ВНИКАЯ В ДЕТАЛИ

Мотоцикл кашлянул, захрипел и испустил последний вздох, требуя срочного ремонта. Работники Самарского райкома ВЛКСМ Ростовской области сокрушённо

взглянули на своего любимца, но особенно горевать не стали: не велика беда, надо лишь заменить некоторые части машины.

Однако оптимизм их не оправдался. Запасных частей не оказалось ни в свердловском спецмагазине Главмашбыта, куда они обратились, ни в магазинах Ростовской области, ни в киевском спецмагазине. Зато везде они слышали вежливо-равнодушное предложение: «Купите новый мотоцикл».

Та же незавидная участь постигла мотоциклиста Маньшина

из города Клухори. Бесплодные поиски запасных частей завершились исчерпывающим ответом тбилисского спецмагазина Главмашбыта:

«Вами требуемые детали к мотоциклу М-72 спецмагазин в наличии не имеет и в ожидании не предвидится».

Запасными частями ведаёт солидная организация с изыскным названием «Главмашбыт» (то есть Главное управление по сбыту продукции машиностроения). Но детали, очевидно, мало волнуют начальника Главмашбыта тов.

Приказчика. Он осуществляет общее руководство.

А пока любители мотоспорта с большой надеждой и великим нетерпением ждут, когда же запасные части будут «предвидеться» в ожидании...

ОЗЕЛЕНИТЕЛИ

Уважают природу в курортном городе Ялте. Здесь никто не отдаёт, например, приказа об уничтожении древонасаждений. Напротив, руководители исполкома горсовета через местную печать без устали призывают ялтинцев «озеленить город» и «превратить Ялту в цветущий сад». Жители города с радостью поддерживают инициативу горсовета, не останавливаясь ни перед какими затратами физической энергии и свободного времени.

А жильцы дома № 14 по проспекту Павленко выполнили поистине гигантский труд: они без посторонней помощи разработали скалу, что находилась за их домом, уравнили, удобрили почву и посадили фруктовый сад. В истекшем году трудолюбивые жильцы были справедливо вознаграждены природой: сад принёс первый урожай.

Но внезапно к сладости этих плодов примешалась и горечь. Как-то в саду появился ответственный хозяйственный работник близлежащего дома отдыха Министерства цветной металлургии и непринуждённо заявил:

— Здесь весной будем строить гараж.

— А как же деревья?..
— Деревья придётся вырубить, — отвечал ответственный.

Сад ещё не загублен. Но топор над ним занесён — строительство начинается. Пыталась жильцы дома № 14 найти управу в горисполкоме. Молчит горисполком. Работникам этого уважаемого учреждения недосуг заниматься жалобами трудящихся: они всецело поглощены писанием статей о пользе зелёных насаждений.

БАЗАРНЫЕ СТРАДАНИЯ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

КАК НИ СТРАННО, НО...

...хлебопёки в посёлке Джезды, Карагандинской области, обычно встречать «хлебом-солью» истолковали по-своему. Они запекают в хлеб целые куски соли и такие «пирог» с начинкой пускают в продажу.

Солоно приходится местному населению с такими хлебопёками!

Служба без движения

— Алло! Алло! Это служба движения Одесско-Кишинёвской магистрали?

— Ну, правильно. Начальник распорядительного отдела Доброер у аппарата.

— Василий Михеевич? Вот хорошо! Выручайте, Василий Михеевич!

— Что случилось?

— Посеяли... Посевные грузы посеяли. Двадцать шесть мешков семенного овса, электроприборы для совхоза имени Карла Маркса, универсальный тракторный культиватор, бензиновые баки для Тишковской МТС, опять же тракторные плуги, запасные части...

— Пойдите, пойдите! А я тут при чём?

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Как при чём? Вы служба движения! А сельскохозяйственные грузы лежат без движения. А грузы эти посевные, а посевная пора на носу.

— Извините, вы попали не по адресу. Посевные или непосевные, я не знаю. Я в вагоны не влезаю. Наше дело — продвигать поезда, а что в них — тракторы или детские колясочки, — нас не касается. Обратитесь в группу специальных перевозок. Там есть товарищ Соколовская, она должна знать...

— Алло! Это товарищ Соколовская?

— С каких пор у вас женщины басом стали разговаривать? Говорит Морозенко. Соколовской на месте нет.

— Товарищ Морозенко, вы, кажется, помощник Соколовской? Нельзя ли у вас узнать, куда делись посевные грузы?

— У нас нельзя. Мы учётом не занимаемся. Наведитесь к заместителю начальника службы движения товарищу Владееву...

— Алло! Товарищ Владеев?

— Знаю, знаю, мне товарищ Морозенко звонил. Только он вас не по адресу направил. Мы движенцы, а вам надо к «грузовикам». Позвоните Щеглову, может быть, он знает...

— Алло! Товарищ Щеглов?..

— Слушаю. Что? Сельскохозяйственные грузы куда-то загнали? Нет, мы этим не занимаемся. Наше дело — погрузить, разгрузить. А продвигаем не мы. Продвигают движенцы. Лучше всего обратитесь вы к самому начальнику службы движения товарищу Заике...

— Алло! Товарищ Заика?..

— Слушаю. Так... Так... Так... Правильно. Мы должны вести учёт продвижения грузов. Вот как раз мы собираемся вскоре обсудить вопрос о том, кому надлежит поручить такой учёт... Правильно! Ну, до весны ведь ещё далеко. Как грузы найти? Вот чего не знаю, того не знаю. Попробуйте связаться по селектору непосредственно со станциями...

— Алло! Дайте станцию Бендеры.

— Начальник станции Хренов у аппарата.

— Здравствуйте, товарищ Хренов. Ваша станция находится на пути в Молдавию. Там скоро сев начинается. Как у вас с продвижением сельскохозяйственных грузов?

— Всё нормально. Ничего необычного не отмечается.

— А что это у вас за шум слышится, вроде птичий гомон?

— Воробьи гомонят. Ни днём, ни ночью от них покоя нет.

— И давно они у вас гомонят?

— Да уж недели две.

— За что они вашу станцию так полюбили?

— Тут у нас ещё в конце прошлого года один груз прибыл. Идёт из Каушан в Бульбоки. Ну, у нас, соответственно, перегрузка. Стали перегружать, а некоторые мешки и полопались. Овёс, соответственно, просыпался. Так, поверите ли, воробьи со всей дороги к нам слетелись. Третью неделю кормятся. Смех и грех...

— Пойдите, а что это за груз? Уж не те ли двадцать шесть мешков семенного овса, которые мы разыскиваем?

— Они самые...

— Так, может, и электроприборы для совхоза имени Карла Маркса тоже у вас застряли?

— У нас. Но эти недавно. Только пятый день проживают.

— А вагон № 331829 с семенами бахчевых и льна для колхозов южной Молдавии?

— У нас...

— А бензиновые баки для Тишковской МТС?

— Это не у нас. Вот у соседей, на станции Помощной, какие-то баки уже больше месяца валяются. Товарный кассир товарищ Чернякова куда-то документы задела, а куда — не вспомнит. Позвоните им...

— Алло! Станция Помощная?

— Так точно.

— Говорят, у вас чьи-то бензиновые баки завалились?

— И не говорите! С 14 ноября лежат.

— Немедленно отправьте их в Кировоградскую область для Тишковской МТС.

— Вот спасибо! Выручили. Заведующий грузовым двором товарищ Рязанов уже составил акт на уплату штрафа за невывоз груза. А кому адресовать, не знаем. Теперь штраф вместе с грузом направим...

— Так, может, у вас и универсальный тракторный культиватор хранится?

— А как же! Уже десятые сутки.

— Посылайте его немедленно в Песчанобродскую МТС. Можете вместе со штрафом. Там этот культиватор так ждут, что даже против штрафа возражать не станут...

— Алло! Алло!

— Знаменка слушает!..

А впрочем, может быть, послушает и Одесса? И не кто-нибудь, а сам исполняющий обязанности начальника дороги Леонид Григорьевич Сущенко. Послушает он этот селекторный рассказ и точно установит: кто же в конце концов у него отвечает за продвижение сельскохозяйственных грузов? И отвечают ли за это дело вообще?

Ф. БОГАТЫРЕВ, Н. ДАВЫДОВ

г. Одесса.

РАЗРЕШИТЕ ПОБЕСПОКОИТЬ!

ЦИТАТА КСТАТИ

Грозненское мельуправление построило в Караногайском районе мельницу для колхозников. Проработав один месяц, мельница встала на капитальный ремонт.

К. КОЙЛАКАЕВ,
К. БАЛЫГИШИЕВ

Передают, что около села Тень пушкинского князя появилась
И [не меняя текста] изрекла:
— Вот мельница! Она уж развалилась.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

В г. Балтийске одна аптека. Работает она с 9.00 до 19.00, в воскресенье выходная.

Р. ЛЕВИЦКИЙ,
М. ЗАКУСОВ и др.

Оповестите объявлением Людей Балтийска, чтобы впредь По вечерам и воскресеньям Они не вздумали болеть!

Юрий БЛАГОВ

«КЛОУНАДА»

«Большие достижения имеет цирк в области клоунады... Такие клоуны, как... Г. Л. Рашковский и Н. А. Скалов... получили самое широкое признание у советского зрителя.

(Из книги Ю. Дмитриева «Русский цирк». Издательство «Искусство». 1953 год, стр. 263).

«Нам кажется, решение творческих проблем клоунады надо начинать с вопроса о том, кто имеет право называться клоуном...

Не всякий артист, разговаривающий или поющий с арены, — уже клоун...

...Вот почему Г. Рашковский и Н. Скалов... не цирковые клоуны...

(Из статьи Ю. Дмитриева «Искусство клоунады». «Литературная газета», 14 января 1954 года).

Звучат о клоунах чудно
Две речи Дмитриева эти:
Он в книге говорит одно,
Другое говорит в газете.

Оратора спросить бы надо:
К чему такая «клоунада»!

Ник. СОКОЛОВ

Туман на Ламанше

Григорий АЛЕКСАНДРОВ,
кинорежиссёр

Рисунки Бор. ЕФИМОВА.

НАД ОСТРОВАМИ ТУМАН

Глубокой осенью, а по московскому календарю уже зимой, комфортабельный самолёт «Летучий голландец» приближался к Ламаншу. Пассажиры, откинувшись в удобных креслах, поглядывали в окна. С минуты на минуту должна была показаться внизу лента пролива, превращающего Великобританию в острова. Но время шло, а ожидаемая картина не открывалась. Напротив, вскоре исчезли в тумане последние очертания земли, а ещё через несколько секунд мы уже не видели крыльев нашего самолёта. Пассажиры заёрзали в креслах. Словно угадав наше беспокойство, стюардесса сказала:

— Приближаемся к Лондону. Туман в Англии — обычное явление.

Однако увидеть традиционно-туманный Лондон воочию нам так и не удалось. Над аэродромом было ясное синее небо. Оно оставалось таким же во время всего путешествия советской делегации деятелей культуры по Англии и Шотландии. Но хотя погода была великолепная, туман, возникший над Ламаншем, долго сопровождал нас. С точки зрения метеорологии, явление было странное: мы видели всё чётко и ясно, но на нас, советских делегатов, часто смотрели сквозь пелену тумана предрассудков и предубеждений.

ПЯТЬДЕСЯТ РЕЛИГИЙ И ОДИН СОУС

Вольтер сказал когда-то, что в Англии пятьдесят религий и один соус. Эти слова вспоминались нам каждый раз, когда утром почта приносила в отель кипы газет из разных кон-

цов Великобритании. Советскую делегацию, приехавшую на месячник англо-советской дружбы, газеты не обходили вниманием. В общем пресса была благожелательна, но некоторые газеты излагали события в зависимости от того, какую политическую религию они исповедовали. Впрочем, какая бы религия ни была, соус, за редким исключением, был один и тот же. Его вкус определился газетным заголовком, появившимся на следующий день после выступления советских делегатов в телевизионной передаче. Одна газета, являясь образцом «джентльменского» поведения, напечатала заметку о нас под заголовком: «Они тоже люди». Так мы узнали, что степень плотности тумана в мозгах некоторых английских газетчиков достаточно высока.

Однако вскоре мы привыкли к подобным сенсациям. Другая газета, например, сфотографировала советскую танцовщицу Галию Измайлову в серой каракулевой шляпе и опубликовала снимок с подписью: «Она одета по последней моде астраханских казаков».

В Лондоне мы видели любопытную английскую кинокомедию под названием «Женевьева». Я одобительно отозвался о ней. В ближайшем номере газета «Сэнди пикториэл» сообщила об этом под заголовком: «Кремлевский Корда¹ упал на колени перед Женевьевой».

Но самую сенсационную новость о себе я узнал из газеты «Ивнинг стандарт». Газета информировала читателей, что я находился в числе лиц, провожавших королеву Елизавету в кругосветное путешествие.

Я спросил у журналистки, сочинившей это, как мог я находиться «в числе лиц», если в указанный день я выступал в Кембридже.

— Не знаю, — ответила она. — Это не имеет значения.

— Значит, вы сознательно всё выдумали?

— Конечно.

— Зачем?

— Я хотела поднять ваш авторитет в глазах наших читателей.

Когда я рассказал об этом одному из английских друзей, он только пожал плечами:

— Разве вы не помните, как покойный мистер Бевин сформулировал задачи английской печати? «Первое — забавлять нас, второе — развлекать нас, третье — вводить нас в заблуждение».

Мы имели возможность убедиться, что, по крайней мере, с последней задачей некоторые английские газеты справляются неплохо. И нет никакого сомнения, что в этом немалая заслуга американских наставников. Заокеанский ветер гуляет по страницам крупных буржуазных газет Англии. Они разговаривают с сильным американским акцентом.

ВЫКЛЮЧАЙТЕ ВАШИ ТЕЛЕВИЗОРЫ!

Лондонские деятели театра и кино часто спрашивали нас о советском телевидении:

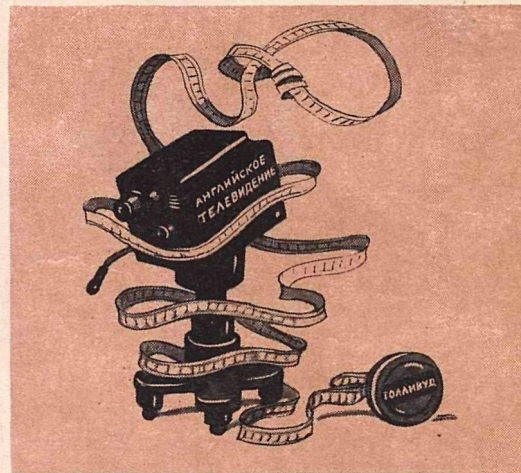
— Как в Москве составляются телевизионные программы?

¹ Александр Корда — известный английский кинорежиссёр.

— Передают ли фильмы или спектакли из театров?

— Существует ли закон, разрешающий трансляцию по телевидению только отдельных кусков кинофильмов и спектаклей?

Мы объяснили, что никаких ограничений для телевидения у нас не существует, что владельцы телевизоров имеют возможность видеть лучшие спектакли, транслируемые из театров, что почти ежедневно по телевидению передаются кинофильмы.

На лицах наших собеседников плохо скрываемое удивление.

— В таком случае ваши театры и киностудии должны заявить протест. Ведь это же отбивает у них зрителей!

— В Москве столько желающих посетить театры и кино, что телевидение этому не мешает, — заверяем мы.

Только вежливость мешает собеседникам назвать нас хвастунами. Затем выясняется, что в Англии телевидение — злейший враг театра и кино. Рядовые англичане бедны и становятся беднее с каждым годом. Ходить в театры и в кино стало им не по средствам, и они предпочитают проводить вечера у телевизоров.

В ответ театральные и кинематографические предприниматели добились закона, запрещающего показывать по телевидению фильмы и спектакли в полном виде. Англичане могут теперь смотреть дома либо рекламные отрывки из пьес и фильмов либо специальные телевизионные программы — только одно из двух.

А сейчас весь Лондон говорит о так называемом коммерческом телевидении. Это — американское изобретение. В Голливуде скопилось огромное количество гангстеризированных и эротизированных фильмов, рекламирующих различные товары. Теперь американцы добиваются разрешения показывать эти фильмы по английскому телевидению.

Англичане разводят руками. Если разрешение будет дано, третьесортная голливудская стряпня захлестнёт экраны телевизоров.

— Прогорят все театры и кинематографы! Что будет с нашим искусством? Что будет с нашей молодёжью? Останется одно: обратиться ко всем честным англичанам с призывом: «Выключайте ваши телевизоры!».

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО...

В Лондоне множество кинотеатров, но когда вы идёте по незнакомым улицам и видите рекламные киностенды, вам начинает казаться, что вы вертитесь на одном месте. Со всех сторон смотрят на вас одни и те же лица — разъярённые или застывшие в поцелуе. Вы без труда узнаете в них голливудских героев.

Английская кинематография почти совсем вытеснена из английских кинотеатров. По американскому лимиту три четверти всех фильмов, идущих на экранах страны, должны быть американского происхождения. Но это, так сказать, де-юре. Де-факто процент демонстрируемых английских фильмов ещё меньше. Дело в том, что американские фирмы по контрактам с английскими студиями снимают в них (силами английских режиссёров и актёров!) свои собственные, американские сценарии. Англичане вынуждены питаться киностряпнёй, приготовленной по нехитрому голливудскому рецепту: «Кто кого любил и кто кого убил».

Зрителям не по вкусу эта стряпня. И хозяева кинотеатров изыскивают всевозможные средства для привлечения посетителей: одни вводят торговлю мороженым во время сеансов, другие разрешают зрителям курить в зале, третьи сообщают, что у них «билетёрши-офелии» — «17 красавиц-блондинок»...

Кинотеатр «Одеон», находящийся под американским контролем, установил экран новой конструкции, так называемый синемаскоп. Это аттракцион, ничего общего не имеющий с искусством. Новый экран имеет сильно удлинённую форму. Его высота — около шести метров, а ширина — около восемнадцати. Он похож на длинную магазинную вывеску.

Зрители посмеиваются.

— Что было на твоей стороне экрана? — спрашивает один другого после окончания сеанса.

— На моей что-то неинтересное. А на твоей?

Но и этот аттракцион, видимо, не оправдал возложенных на него надежд. Сейчас американцы строят в Лондоне новый — «синераму». Здесь экран будет расположен в виде подковы по трём стенам зала. Рекламная шумиха обещает киночудо. Строители «синерамы» меньше всего думают об искусстве. У них одна задача — показать то, чего ещё никогда не было. Может быть, это заставит зрителей раскошелиться.

ЗАКОНЫ ГОСТЕПРИИМСТВА

Советские артисты, музыканты, деятели культуры, входившие в нашу делегацию, выступали почти во всех крупных городах Великобритании. Повсюду мы встречали тёплый и дружеский приём. И там, где законы гостеприимства нарушались представителями власти, простые люди Англии восполняли это своей трогательной заботливостью.

В промышленном городе Абердине местные власти не разрешили выпустить афиши о выступлениях советских делегатов. Расчёт был простой: абердинцы не узнают о нашем вечере — и зал будет пуст. Но вышло всё иначе. Утром тротуары Абердина оказались испсанными мелом. Это наши английские друзья внесли свою поправку в «гостеприимство» местных властей. Прохожие могли прочесть на тротуарах, что сегодня в таком-то зале в такой-то час состоится выступление советских делегатов. Вечером зал был полон.

В Ноттингеме «не нашлось» подходящего помещения для нашего вечера. Но и здесь друзья внесли свою поправку. В зимнем купальном бассейне был устроен настил из досок. На настил поставили стулья, и вечер состоялся.

Мы убеждались каждый день, что число наших друзей в Англии растёт. В столице британских угольщиков Кардиффе мэр города в честь прибытия нашей делегации поднял над мэрией советский флаг. Газеты не преминули использовать это для очередной сенсации и на

следующий день вышли с огромными заголовками: «Советский флаг над Кардиффом»...

В Глазго мы столкнулись с проявлением дружбы, несколько курьёзным и вместе трогательным. Мэр города Томас Кер, здоровяк лет семидесяти пяти, с золотой цепью на груди, принимал нас в помещении мэрии. Я по очереди представлял ему наших артистов:

— Наш певец, баритон Отделенов.

— Э-эй, ухнем! — внезапно запел мэр города.

— Солистка украинской оперы, сопрано Олениченко.

Томас Кер запел арию из «Лакме».

Тогда я представил танцоров из хора имени Пятницкого. Но мэр и тут нашёлся: он модцеваато притопнул ногой.

Так своеобразно приветствовал нас этот симпатичный старик. Оказалось, что он любитель музыки и, в частности, большой знаток русского искусства и литературы.

— В Англии сейчас много открытий, — говорил он, посмеиваясь. — У нас открывают Чехова, Тургенева, Достоевского, Чайковского. Лично я открыл их уже сорок лет назад...

ТУМАН РАССЕИВАЕТСЯ

Многое в Англии представляется советскому человеку странным и диким.

Вы можете прийти в лучший концертный зал на концерт пианиста с мировым именем, и, когда служители откроют крышку рояля, вы не поверите своим глазам. На внутренней стороне крышки вы увидите сделанную золотыми буквами по красному дереву рекламу торговой фирмы «Даксман». «В нашей стране это невозможно», — говорите вы спутникам, и они, соглашаясь, кивают вам.

Вы можете встретить в маленьком ресторанчике официанта, лишь недавно окончившего гуманитарный факультет. Если вы выразите ему удивление, он с не меньшим удивлением спросит вас: «А разве в Советском Союзе все выпускники институтов получают работу по специальности?» Услышав утвердительный ответ, он задумывается.

В Саутгемптоне я познакомился с директором колледжа, где воспитываются будущие морские офицеры. Он оказался теологом. В беседе с ним я уяснил, что он никого не любит, ни с кем не дружит. Радио не терпит. В театры не ходит. Когда я сказал ему, что я кинорежиссёр, он ответил:

— Не знаю, что это такое. В кино никогда не бывал и не имею представления, чем вы занимаетесь.

Несмотря на всё это, я чем-то ему понравился.

— По моей божественной теории, — сказал он мне, — мы с вами встретимся через тысячу лет.

Я ответил:

— С удовольствием.

Мы с ним так подружились, что он откупорил пять бутылок вина и подарил мне казённую пепельницу.

Да, на Британских островах ещё много тумана. Но он постепенно рассеивается. Все митинги в Шотландии заканчивались коллективным пением советской песни «Широка страна моя родная» и шотландской песни «Дорога на острова». Повсюду нас жадно расспрашивали о жизни в Советской стране и, главное, верили нам, хотя местным жителям слишком долго внушали фантастические небылицы о Советском Союзе. Двадцать семь советских делегатов, проведших месяц в Англии, оказались своеобразным наглядным пособием для людей, желающих понять нашу жизнь.

Когда, прощаясь с нами, новые друзья обнимали нас, жали нам руки, мы вспоминали мудрую китайскую пословицу: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Мы не сомневаемся, что так же думали и провожавшие нас английские друзья.

ЗВЕЗДА АМЕРИКАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Обеды в нью-йоркском ресторане «Тутса» не по карману простым смертным. Здесь обедают боксёры с прославленными кулаками, киноактрисы, чьи известные всей Америке ноги застрахованы в сотни тысяч долларов, модные авторы детективных романов. Здесь же обедают и те, кто закупил всю эту компанию для рингов, киностудий, издательств и недурно наживаетея, перепродавая свой товар публике.

Виктор Рисел принят как свой в изысканном обществе «Тутса». Сам Херст, нюхом знатока учуяв таившиеся в Риселе возможности, купил его когда-то для своей фашиствующей газетки «Дейли миррор». Нюх не подвёл старика. Рисел прилепился к «Дейли миррор», на страницах которой он четырежды в неделю помещает свои «Обзоры по рабочим вопросам», и на сторону по сей день не перешёл.

Херстовским наследникам Рисел обходится не дёшево, но он стоит того. Рисел — обозреватель нового типа, он совсем не похож на грубоватого Пеглера, который, так сказать, возделывает ту же ниву на страницах «Нью-Йорк джорнэл энд Америкэн». Пеглер рубит топором, откровенно выступая против профсоюзов, утверждая, что всякое объединение рабочих вредно. Рисел же работает более тонким набором инструментов, выступая под маской «социалиста» и «друга рабочих».

Кого же этот завсегдатай «Тутса» выдаёт за друзей рабочих, а кого за врагов? «Врагами» он называет коммунистов, причём определяет их буквально с первого взгляда.

Так, например, когда несколько профсоюзов выступило против агрессивной политики правительства, потребовав мира и заклеив войну, Рисел тут же вмешался:

— Держите их! Они коммунисты! Изгнать их из Конгресса производственных профсоюзов! Красным там не место!

Председатель профсоюза моряков Каррен продался судоводным компаниям. Узнав об этом, возмущённые члены профсоюза окружили здание, в котором засел Каррен, и заявили, что не выпустят председателя, пока он не подаст в отставку.

Юркий Рисел прибежал на место происшествия. Как мышь, он шмыгал вокруг здания, высматривая, подслушивая, записывая. Из толпы ему крикнули: «Убирайтесь отсюда! Вы никогда не пишете правды».

— Коммунисты! — прошипел Рисел и помчался в редакцию. Там он застучал на машинке:

«Город-гигант жил обычной жизнью, не подозревая, что в нём происходит репетиция бунта. Я был у осаждённого здания, я видел образчик красной революции. Вот они, методы красных: террор, насилие!»

«Другом рабочих» Рисел называет не только Каррена, но и секретаря КПП Кэри, пошедшего на содержание к крупной электрокомпаниям. С нежной симпатией относился Рисел и к Райяну, председателю профсоюза грузчиков Атлантического побережья.

Стиль райяновского руководства, видимо, импонировал Риселу. На службе у председателя подвизались гангстеры, которым поручалось позаботиться о судьбе неосторожного, позволившего себе громко критиковать руководство. Групп критиковавшего прятали в бочку, заливали цементом и топили. Профсоюзные боссы долгое время не решались снять Райяна с работы. Ведь он мог обидеться и в запальчивости наговорить много лишнего:

Чтобы быть допущенным к приёмным экзаменам в высшие учебные заведения Греции, необходимо внести значительную сумму денег.

— Почему не идёшь сдавать третий экзамен?
— На первых двух издержался.

— Как видите, господа, наша фирма уже давно подготовила здесь почву...

— Интересно! Один я, что ли, нанимал гангстеров для услуг? А как насчёт...

И пошёл бы сыпать именами.

Если этого человека Рисел в своих статьях называл достойным руководителем, то кого же, в таком случае, он называет преступником?

Недавно секретарь профсоюза работников аптек и косметики Нью-Йорка Джордж Бараш предложил провести закон, по которому каждый кандидат на профсоюзную должность обязан присягнуть, что никогда не был преступником, не сидел в

тюрьме, не был связан с миром гангстеров. Можно себе представить, какое смущение вызвал бы этот законопроект среди некоторых профсоюзных лидеров, если бы не Рисел! Тот горой встал за предложение Бараша. Наиболее тупым из своих закадычных друзей Рисел в частных беседах разъяснял:

— Чего испугались? Бараш — свой парень! Неужели он против вас пойдёт? Вы присягнёте, что чисты и невинны, как полевые маргаритки, и никто вас пальцем не тронет. Бараш хочет выловить коммунистов. Каждый из них при нашем образе жизни хоть разочек ночевал в тюрьме. Понятно? Вопросов нет?

Свободное время Рисел посвящает тягостным раздумьям над вопросом: как восстановить рабочих против коммунистов? Однажды он попытался разрешить проблему следующим образом. Зная ненависть рабочих к Уолл-стриту, газетчик постарался на ней сыграть, заявив:

«Уолл-стрит и коммунисты сделаны из одного теста. И те и другие стремятся расколоть рабочих».

Что и говорить, недалёкий Пеглер никогда бы до этого не додумался!

Уолл-стритовские магнаты были в восторге. Они читали риселовскую стряпню вслух в тесном кругу родных и подхалимов и рекомендовали издателям прибавить автору жалованье.

Топорная работа пеглеров не ко времени. Законы Тафта — Хартли, Маккарэна — Вуда, лихорадочная деятельность Маккарти не могут сломить сопротивления трудящихся. Магнаты выпускают на рабочих скользких, извивающихся риселов.

...После трудного дня обозреватель сидит в ресторане «Тутс», жестом завсегдадая разглаживая на коленях тугую салфетку. За соседним столиком улыбается кинозвезда. Рисел — тоже звезда, звезда журналистики. Но выйти в звёзды на этом поприще куда труднее. Мало уметь продаваться. Мало бойко врать устно и письменно. Надо ещё быть доносчиком, лакеем, провокатором, клеветником.

— Нет! Куда проще быть кинозвездой! — завистливо вздыхает Рисел.

Н. ИЛЬИНА

Рисунки Бор. ЛЕО.

— Скоро сеять, а они только уборкой занялись...

В новостку дня

Через две минуты после знакомства с председателем Крымского райисполкома товарищем Лукьяшко мы пришли к твёрдому убеждению, что он придаёт огромное значение агроучёбе колхозников.

— О, это очень важный участок! — многозначительно подняв вверх указательный палец, поучал он нас. — Но, увы, прежде мы этот участок недооценивали. Почему недооценивали? Потому, что недопонимали роль агроучёбы в борьбе за дальнейшее повышение урожая. За это нам прошлой зимой крепко досталось от Краснодарского крайкома партии. И поделом! А сейчас мы учли прошлогодние ошибки, перестроились, дооценили, допоняли. Словом, теперь другая картина. Поезжайте в наши колхозы — сами убедитесь.

1

Действительно, в первом же пункте, где мы остановились, в колхозе имени Фрунзе, глазам нашим предстала приятная картина. Для занятых членов первой полеводческой бригады подобраны преподаватели, приобретены учебники, отведён уютный кабинет председателя колхоза товарища Правдина.

— Овладеваете? — спросили мы бригадира, ожидавшего приёма у товарища Правдина.

— Где там! — последовал унылый ответ.

— Не даются науки?

— Науками овладеть можно, а вот кабинетом — никак!

— Что так?

— Занят кабинет... Под борьбу.

— А вы спортсменов переведите в другое помещение.

— Так ведь там не спортсмены борются, а председатель наш, товарищ Правдин. Как засядет с утра в кабинете, так до позднего вечера безвыходно борется за повышение урожая! Мероприятия намечает, планы обдумывает... Председатель борется, а нам учиться негде.

— А разве нельзя в другом месте заниматься?

— Можно, конечно, но нужны скамейки, столы. Вот я и хожу к председателю, хочу попросить у него несколько досок. А он занят — борьбу ведёт. Дела!..

Бригадир тяжело вздохнул и мечтательно промолвил:

— Хорошо второй нашей бригаде: ей под занятия клуб отвели! Совсем другая картина получается!

2

В клубе и впрямь мы увидели редкостную картину. Представьте себе комнату, освобождённую от какой бы то ни было мебели, с живописно облупленными стенами, с замороженными, похожими на миниатюрные айсберги горками мусора; прибавьте к этому обилие свежего морозного воздуха, щедро проникающего внутрь помещения через разбитые стёкла окон, — и вы поймёте, почему этот уголок Арктики не завоевал себе признания у второй полеводческой бригады колхоза имени Фрунзе.

Но нам повезло: в клубе мы застали бригадира второй бригады. Закутавшись с головой в шубу, он мрачно шагал по пустой комнате.

— Ожидаете кого-нибудь? — несмело спросили мы человека в шубе.

— Ожидая. Но чувствую, и сегодня зря

ожидая. Кому охота в холодильнике учиться! Печи есть, а дров не заготовили. Хозяева!.. Вот в колхозе имени Ленина — там картина другая!

3

Бригадир оказался прав: в колхозе имени Ленина картина иная. Тут председатель артели товарищ Пипотя подошёл к вопросу трезво: «Печей в нашем клубе нет, значит, дров заготавливать не надо. А раз так, то незачем замораживать людей. Обойдутся годик и без агроучёбы».

И на дверях клуба появился массивный замок, напоминая о том, что деятельность этого учреждения на зимний период прекращается.

По достоинству оценив отзывчивое председательское сердце, мы отправились дальше — в колхозы «Путь к коммунизму», «Сопка героев», но свежих впечатлений там не приобрели. В общем картина всюду была одинаковая.

4

Вернувшись в районный центр, мы посетили секретаря Крымского райкома партии товарища Голубничего. С живейшим интересом выслушал секретарь наши замечания и воскликнул:

— Здорово вы всё это подметили! Ценнейший материал! Дайте мне его, мы обсудим на бюро!

Охотно выполняем вашу просьбу, товарищ Голубничий! Обсудите, пожалуйста, на бюро этот фельетон.

Г. СОКОЛОВ

Станица Крымская,
Краснодарского края.

СВЕРХ ПЛАНА

В тот погожий августовский день списки принятых в институт были вывешены на видном и хорошо освещённом месте. Несмотря на эти благоприятные обстоятельства, Жорж Попель — высокий худощавый шатен с застенчивым взглядом — своей фамилии в списке принятых так и не обнаружил. Её там и не могло быть. Застенчивый юноша набрал по конкурсу всего 24 очка. А требовалось минимум 29. Не будь рядом папы, Жорж совсем бы растерялся. Но папа всё предвидел. Он знал, что в такие важные моменты сына оставлять одного нельзя. Мало ли что может случиться на вступительных экзаменах! Тем более, что Жорж никогда не блистал знанием русского языка и математики.

— Ну, — с кислой усмешкой сказал отцу Жорж, — что ты теперь будешь делать?

— Как что? — удивился отец. — Хлопотать! Сейчас я пойду к директору и...

Но директор Московского инженерно-строительного института имени Куйбышева оказался предусмотрительным человеком. Он накрепко закрылся в своём кабинете. Ему почему-то не нравилось, когда с ходатайством о провалившихся приходили их родители. Войдёт такой товарищ в кабинет, расползётся в кресле и не спеша начнёт перечислять все свои заслуги и награды. Директор даже начал путать, кто же норовит попасть в институт вне конкурса: высокопоставленный родитель или его чадо? Нет, уж лучше отсидеться в кабинете. Пусть секретарша говорит, что приёма посетителей не будет целую неделю.

Толкнувшись в закрытую дверь, Попель и его сынок прямым сообщением помчались в Министерство культуры. Они уже слышали, что начальник Главного управления высшего образования товарищ Елютин к провалившимся весьма снисходителен.

— Проси от своего имени! — распорядился отец, когда они оказались в приёмной начальника главка. — Сначала отдай заявление, потом автобиографию. В ней всё указано...

Не приученный к самостоятельности, Жорж ещё упирался, но папа ловко втолкнул его в кабинет. Вся надежда была на биографию. Не на свою, конечно: у Жоржа она была слишком коротка. Может, товарищ Елютин обратит внимание, что у просителя имеется дядя-генерал и шесть тётушек разных чинов и званий? Писать о них было не обязательно, но недостающее количество очков требовалось чем-то восполнить...

Обратно Жорж вышел довольно скоро. От его застенчивости не осталось и следа. Он был горд.

— Распорядился! — небрежно сообщил он родителю. — Сейчас отпечатают вот эту бумажку. Зачислить, как успешно сдавшего вступительные экзамены.

Отцу показалось, что он ослышался:

— Успешно? Кто сдал успешно?

— Конечно, я! Теперь мы утрём нос этой приёмной комиссии!

Но приёмной комиссии в институте уже не было. Был только директор, который ради неотложных дел раньше времени покинул своё убежище. Прочитав отношение главка, он тоже усомнился в успехах провалившегося абитуриента. Ему непременно захотелось получить от Жоржа Попеля хотя бы 28 очков. И снова Попелю пришлось тревожить товарища Елютина. На этот раз начальник главка разгневался. Не на просителя, конечно, а на строптивого директора. Второе распоряжение главка, датированное уже 7 сентября, выглядело более категорично: «Ещё раз предлагаю...» и т. д.

— Смиритесь! — посоветовали директору деканы. — Вам ли не знать, чья возьмёт?

Ах, если бы Попель был один! Подсунутый главком, он так бы и затерялся среди будущих инженеров-строителей. Его бы взяли на буксир более сильные студенты и как-нибудь общими усилиями дотянули бы до получения диплома. Но Жорж был не один. В институте давно шли занятия, а горячка с приёмом только ещё начиналась. В приёмных министерства попрежнему толпились папы и мамы провалившихся. Они требовали, умоляли, настаивали. И каждый раз вслед за этими визитами выпархивали из главка и Управления строительных вузов коротенькие распоряжения на имя директора. Все они начинались стереотипной фразой: «Предлагаю зачислить сверх плана приёма». В доброту с товарищем Елютиным состязались его заместитель товарищ Михайлов и заместитель начальника Управления строительных вузов товарищ Карпухин.

День 17 сентября стал для института особенно памятным. Товарищу Карпухину, очевидно, надоела возня с абитуриентами-одиночками, и он прислал в институт артельный список «успешно сдавших вступительные экзамены». Их было двенадцать. Если вспомнить, что «сверх плана» студенты зачислялись в течение двух недель, то сейчас их набралось тридцать три человека, которые щеголяли биографиями своих родителей. Иногда «сверхплановому» зачислению предшествовал телефонный звонок из министерства:

— Вот что, милейший Владимир Андреевич, распорядитесь там насчёт приёма Ирины Порошиной. Отношеньце мы уже послали.

— Да ведь у неё всего двадцать пять очков! Такая студентка продержится до первой сессии. Хватит с нас и Писчиков!

— Экий вы злопамятный! А ещё педагог! Что у вас там с Писчиковым?

— Исключили. Два года кровь портил.

— Вот и примите на его место Порошину.

Но у директора в связи с Писчиковым сразу возникла неприятная ассоциация. Писчиков был высокомерен. Он так и говорил, что ненавидит строительное дело. Но раз он числился студентом, работникам деканата приходилось умолять его, чтоб он посещал лекции, а в дни экзаменов будить по телефону: не сдаст ли он то, что ему положено?

— А разве надо? — удивлялся заспанный юноша.

— Да ведь отец ходил в министерство, просил, чтобы вас приняли!

— Пусть тогда сам и учится.

Не менее оригинальна в своих взглядах на учёбу и другой подкидыш министерства, Лия Шухова. В Инженерно-строительный институт она попала с большим опозданием, после того как провалилась на конкурсах в экономическом и архитектурном. С конкурса на конкурс она путешествовала, ведомая за руку собственной мамашей. Стоило ей оторваться от материнской руки, как с девицей сразу начались неприятности: с неё требовали посещения лекций, объявили выговор за то, что она раньше времени поинтересовалась экзаменационными билетами... Обременённая «хвостами», она еле-еле перебралась на второй курс и здесь окончательно застряла во время зимней экзаменационной сессии. Теперь Лие и её мамаше одна дорога — уже знакомая — в Управление строительных вузов, поплакаться в жилетку товарищу Карпухину. Может, он вспомнит, что она внучка известного, всеми уважаемого академика, и водворит её куда-нибудь «сверх плана»...

Плачевной оказалась сессия и для Попеля. Зачёт по черчению Жорж сдал только под сильнейшим нажимом своей группы. На зачёт по основам марксизма-ленинизма он попросту не явился. К экзамену по введению в гидротехнику преподаватель допустил его с большой неохотой, так как студент Попель не любит выполнять курсовых работ. Не порадовал он деканат и знанием математики; дабы не портить себе каникулярного настроения, Жорж на этот экзамен также не явился.

На факультете, где учится Ирина Порошина, тоже бьют тревогу. Она провалилась на экзамене по высшей математике, не представила чертежей по начертательной геометрии.

За недостатком времени и места мы не можем рассказать о судьбе остальных недорослей, зачисленных в институт «сверх плана».

Нам искренне жаль, что работники Министерства культуры испортили значение таких хороших советских слов. Обычно появление сверхплановой продукции всегда приветствовалось. Оно означало какие-то достижения в экономике и культуре. «Сверхплановые» студенты, навязанные министерством, ничего не прибавили к процветанию института. Скорее наоборот.

Лариса ФЁДОРОВА

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

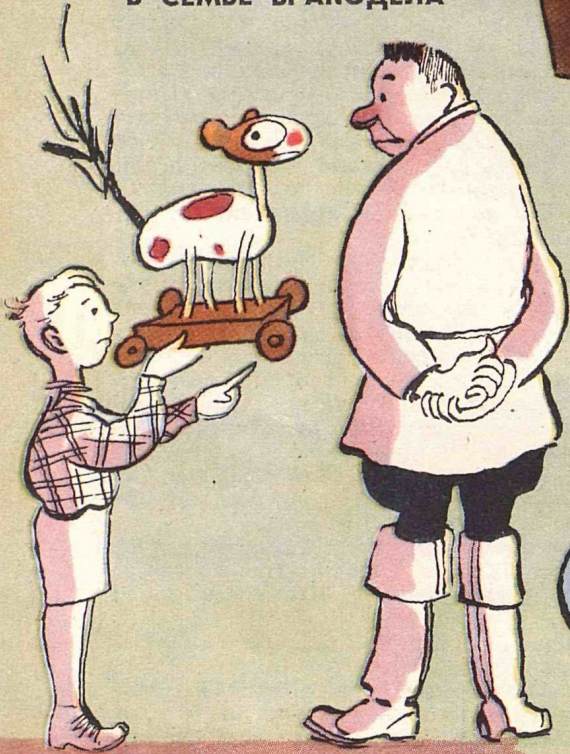
До сих пор имеют место перебои в торговле учебниками.

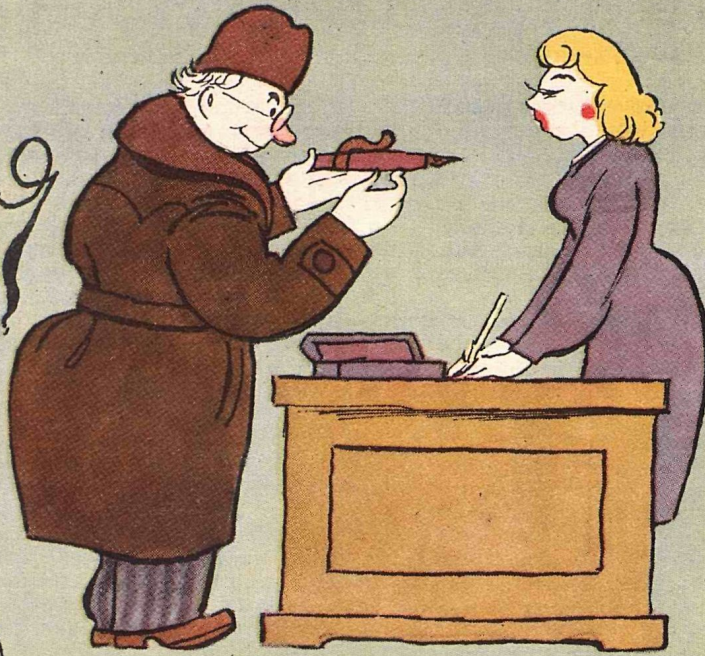
- Тётяшка, буквари есть?
- Разве ты не видишь объявления?
- А я читать-то не умею.
- Учиться надо!

Продуманная СМЕСЬ!

В СЕМЬЕ БРАКОДЕЛА

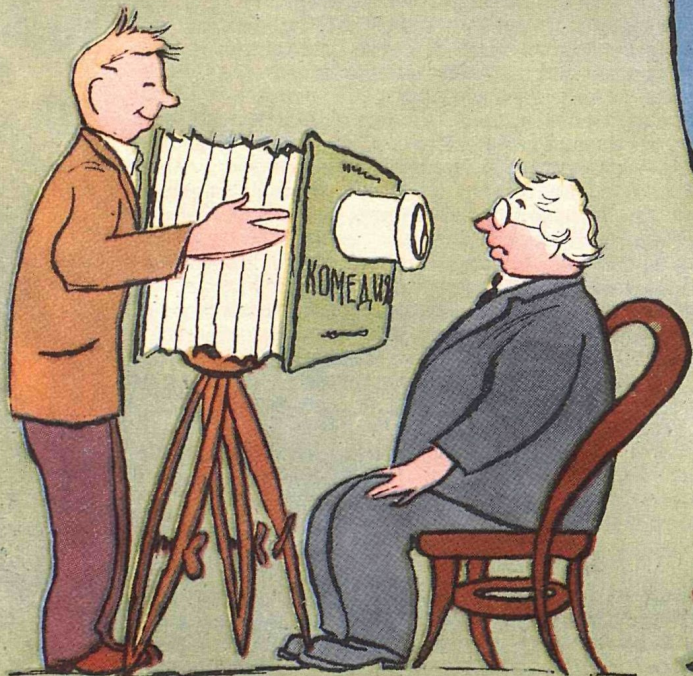
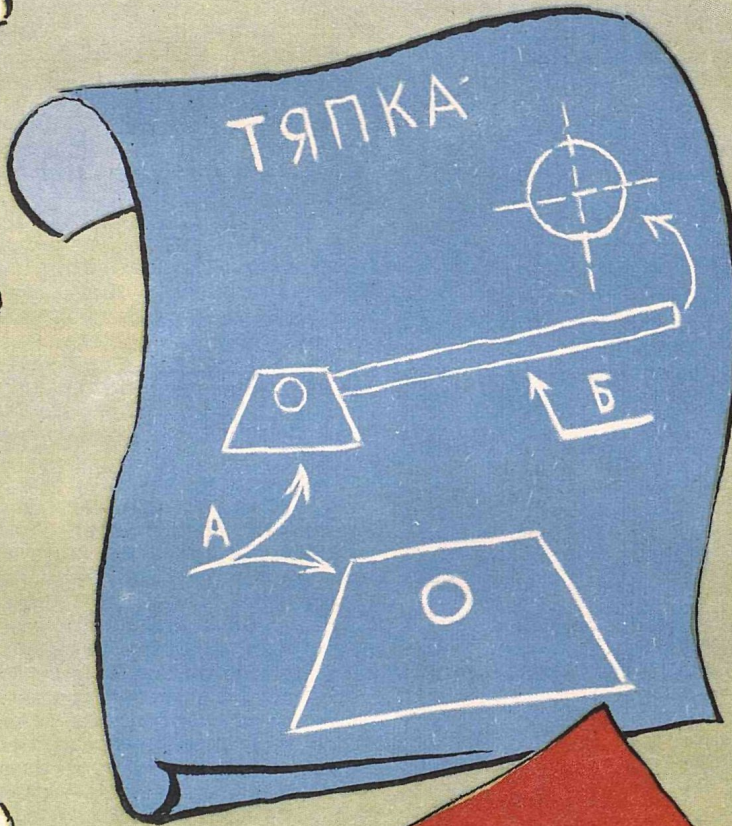

— Сразу вижу: твоих рук работа!..

— А что, эта самопишущая ручка действительно сама писать может?

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

КОМЕДИЯ (критику): — Улыбнитесь!

Тяпка и растяпка.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ЛОШАДИНЫМ ЯЗЫКОМ

На первый взгляд гнедая кобыла Машка ничем особенно не отличается от своих сородичей. Лошадь как лошадь: питается овсом и сеном, иногда ржёт и не любит кнута. Между тем это четвероногое является юридически ответственным лицом и находится в чрезвычайно запутанных материальных отношениях со своим хозяином-возчиком. Так, во всяком случае, утверждают работники Ульяновской конторы «Гастроном» гг. Константинов и Федотова, подписавшие протокол расчётно-конфликтной комиссии при названном учреждении, где сказано:

«Поскольку тов. Дурасов работал не возчиком, а работала лошадь по договору с Дурасовым, за 8 часов по 55 руб., которая ему и оплачивала, отказать в просьбе Дурасова об оплате ему компенсации за отпуск».

Интересно, кому же адресована эта «памятная записка»? Вряд ли кто, кроме гнедой Машки, в ней разберётся.

«ВОЗМОЖНОСТЬ К АНТИСАНИТАРНОМУ СОСТОЯНИЮ»

Председатель исполкома Залегощенского райсовета (Орловская область) Н. Ефанов и секретарь исполкома М. Полезина решили выразиться только высоким слогом. И в самом деле, что за решение исполкома, если в нём обычные, всем понятные слова? Никакой тебе значительности! Напиши, к примеру, что «председатели сельсоветов не используют средства, отпущенные на социально-культурные мероприятия». Скучно, неинтересно!

Другое дело, если сказать: «Председатели сельсоветов выпустили из поля зрения руководство финансовой работой, не подняли на должную высоту этот вопрос... и стали на путь иждивенчества финансировать социально-культурные мероприятия...» Получится здорово!

Не нравятся гг. Ефанову и Полезиной и такие простые слова: «Столовые и пекарни находятся в антисанитарном состоянии», — которые подходят лишь для какого-нибудь заурядного акта, и завёртывают они такое: «Дана возможность к антисанитарному состоянию общественного блока и хлебопечения».

Правда, не каждый, кто прочтёт эти мудрые решения, сразу сообщит, что значит «общественный блок», «иждивенчество финансировать» или «возможность к... состоянию». Но зато куда как внушительно!

Дорогой Крокодил!

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогой Крокодил!

Я по профессии стекольщик. И хотя для каждого стекольщика алмаз — самое основное в работе, я вот уже более двух лет никак не могу приобрести алмазный стеклорез.

Оказывается, это не так просто. Сначала я обратился в Московский Центральный универмаг, который направил меня на Московскую ювелирно-алмазную фабрику. Ювелирно-алмазная фабрика, в свою очередь, перенаправила меня в Главювелирторг.

Проживаю я от Главювелирторга на расстоянии свыше пяти тысяч километров, так что наладить переписку с этим учреждением мне было нелегко. Но переписка ничего не дала, а главное, не дала необходимого мне алмаза. В одной из присланных мне бумаг

Главювелирторга я прочитал нечто вроде того, что «не можем вам выслать алмаза, так как мы не торговая точка, а база».

Отписки у меня есть, но алмаза нет... Про Главювелирторг не скажешь: «Не счесть алмазов». Скорее можно сказать: «Не счесть отказов».

А. ШИРОКОВ

пос. Слюдрудник,
Красноярский край.

Уважаемый Крокодил!

Не удивляйся, что пишу тебе пионеры, школьники и воспитанники детского сада.

Когда мы узнали, что в наш город к Новому году приезжает дед Мороз с целым вагоном ёлочных украшений — блестящих шаров, золотых рыбок, разноцветных бус,

красноголовых грибов, шишек в позолоте, ярких, пылающих звёзд и многих, многих других игрушек, — мы были наверху блаженства...

Но нашу большую радость омрачил злой, бессердечный дядя — начальник депо ст. Кавказская Яков Кузьмич Зверев, который продержал вагон с игрушками с 14 декабря по 10 января из-за смены одной пары колёс...

И выходит, что

Из-за смены двух колёс
Опоздал к нам дед Мороз.

По поручению ребят

С. ШУШИН,

корреспондент дорожной газеты «Звезда».

г. Самтредиа,
Грузинская ССР.

Товарищ Крокодил!

В нашем посёлке можно услышать такой разговор:

— Как пройти до бани?

— Идите прямо по дороге, тут недалеко... Тридцать шесть километров. Там спросите. А у нас в посёлке бани нет...

Бани, дорогой Крокодил, действительно у нас нет, зато есть переписка о строительстве бани. И тянется она уже шесть лет. Началась волокита в районном коммунхозе и дотянулась до Министерства коммунального хозяйства УССР.

Думали мы, что там всё распушают. И вот ответственный работник министерства товарищ Милаенко на одном нашем заявлении написал: «Согласен», — а на другом, точно таком же, начертал: «Возражаю».

Так что смотрим мы на строительные материалы, за которые поселковый совет ещё три года назад заплатил сто тысяч рублей, и с трепетом думаем: что же перетянет — согласие или возражение товарища Милаенко?

А. ИВАНОВ,
председатель поселкового совета.

пос. Ворзель,
Киевская область.

Уважаемый Крокодил!

Хочу я тебе рассказать, как работники Кишинёвского горсовета относятся к книгам. Лучшее всего это видно... через щели в потолке нашей библиотеки № 3, расположенной в центре города. Штукатурка на потолке обвалилась, книги лежат на полу, на шкафах и подоконниках, так как их негде больше складывать.

А ведь книг в библиотеке 55 тысяч, если не считать многочисленных папок с решениями горсовета о предоставлении библиотеке нового помещения! Нам посоветовали оклеить потолок этими решениями, чтобы не капало на работников горсовета, которые приходят обменивать книги. Может быть, не стоит? Пусть каплет, тогда они, наверное, скорее помогут нам.

М. ТЕЛЕГИНА,

директор библиотеки № 3,
г. Кишинёв.

Дорогой Крокодил!

Ты ошибаешься, если думаешь, что для благополучной доставки письма во всех случаях достаточно написать правильный адрес, наклеить марку и опустить письмо в почтовый ящик. Посуди сам: 15 декабря я проделала все необходимые операции по отправке письма в Омский обком КПСС, и всё же оно не достигло цели, а вернулось ко мне со справкой: «Адресат выбыл неизвестно куда». Хотя уведомление скреплено печатью 2-го почтового отделения Омска, мне, признаться, никак не верится в таинственное исчезновение обкома. По-моему, если в Омске что-нибудь пропало, так это чувство ответственности у работников 2-го почтового отделения за порученное им дело. Как потвоему: права ли я?

Н. ГАВРИЛОВА

г. Даугавпилс.

Крокодил помог

(По неопубликованным письмам)

Жители села Абазинка, Краснодарского края, сообщили в редакцию о том, что по распоряжению краевого отдела народного образования в селе закрыта семилетняя школа.

После вмешательства Крокодила школа вновь открыта.

* * *

Работники куцевской артели «Красный партизан» фотограф Тарасов и его жена Тарасова, уволенные за критику, просили помочь им восстановиться на работе.

Как сообщает нам Краснодарский крайком партии, председатель артели Иванов за неправильные действия — своеволие и грубость — снят с занимаемой должности.

Тарасовы на работе восстановлены.

* * *

Читатель Крокодила Прокошенко написал из г. Куйбышева, Новосибирской области, о том, что районная библиотека закрыта из-за отсутствия помещения. В настоящее время помещение библиотеке предоставлено.

Крокодил не помог

По постановлению исполкома Моссовета был снесён дом № 4 по Электрозаводской улице. Граждан, живших в этом доме, переселили в другие квартиры.

Все переселившиеся были довольны, кроме Карповых, Калининых, Жаровых и Васильевой, которые прежде имели комнаты большие и условия лучшие, чем имеют теперь в бараке № 17 по Вельяминовской улице.

Об этом Крокодил писал в № 18 за 1953 год, в фельетоне В. Карбовской «Старое в новом».

Однако ни райисполком Сталинского района, ни районная прокуратура в течение двух лет упорно не хотят исправить допущенную ошибку.

В новых квартирах, предназначенных для переселения Карповых, Калининых, Жаровых и Васильевой, прочно обосновались прокурор тов. Иванов, заместитель председателя райисполкома тов. Попов и другие ответственные работники.

Как видим, некоторые руководители Сталинского района Москвы весьма равнодушны к бытовым нуждам трудящихся, так же как и глухи к выступлениям печати.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва.

Изд. № 148.

Подписано к печати 1/II 1954 г.

Формат бум. 70 × 108¹/₈.

1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 00718.

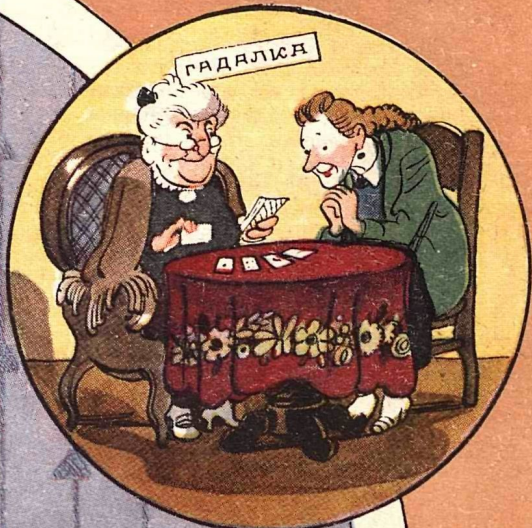
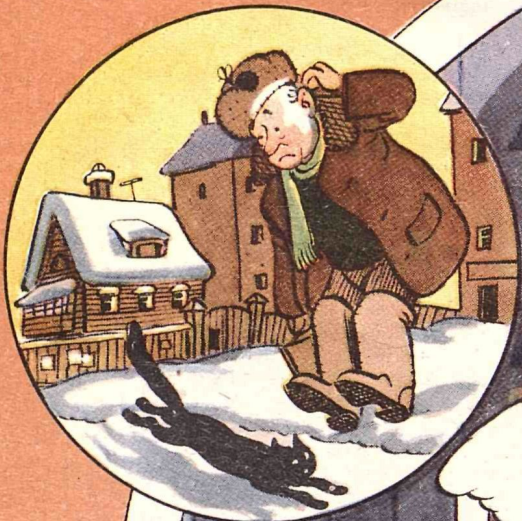
Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 324.

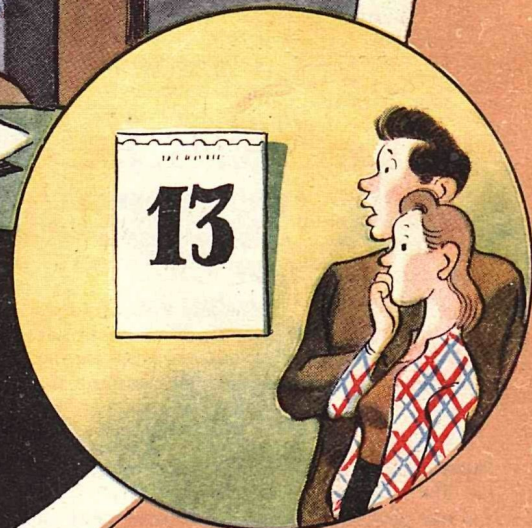
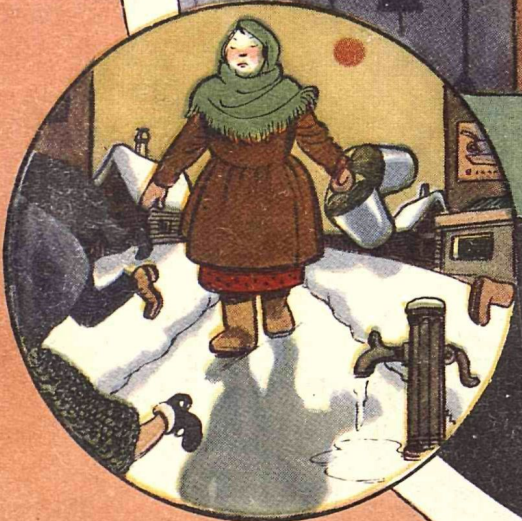
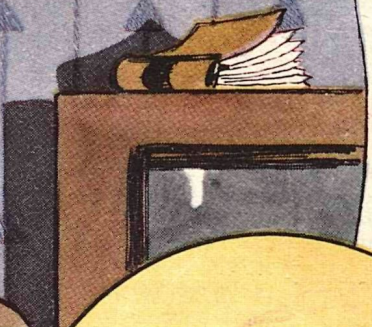
Тираж 400 000 экз.

Воскресением
Книжная палата
Обязат. экзempla.
1954 г.

Н-ское отделение
ОБЩЕСТВА
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
И НАУЧНЫХ
ЗНАНИЙ

...что ему даже не снится.

